

УДК 821.161.1

ДВА ЗАВОЕВАТЕЛЯ КАЗАНИ: ИВАН IV В ПОЭМЕ М.М. ХЕРАСКОВА «РОССИАДА» И ОПЕРЕ Г.Р. ДЕРЖАВИНА «ГРОЗНЫЙ, ИЛИ ПОКОРЕНИЕ КАЗАНИ»

ЖБАНКОВА Марина Сергеевна,
аспирантка кафедры русской литературы,
Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. В статье проводится сравнительный анализ образа Ивана Грозного в героических произведениях М.М. Хераскова «Россиада» и Г.Р. Державина «Покорение Казани». Несмотря на разные жанры (поэма и опера), эти художественные работы объединяют героический пафос и апологетическая трактовка деятельности Ивана IV. Цель исследования – выявить различия в репрезентации образа исторической личности в рамках сюжета завоевания Казани, а также определить причины этих различий. Наиболее значимыми представляются расхождения в изображении эволюции царя, обусловленные исторической ретроспективой художественных работ: от Грозного к милосердному у Хераскова и от слабого к Грозному у Державина. Дидактико-морализаторская направленность произведений определяет трактовку Ивана Грозного как идеального государя, что транслируется в виде наставления Екатерине II и Александру I.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иван Грозный, художественный образ, литературная характерология, исторический нарратив, героический пафос.

TWO CONQUERORS OF KAZAN: IVAN IV IN THE POEM BY M.M. KHERASKOV «ROSSIYADA» AND THE OPERA BY G.R. DERZHAVIN «GROZNY, OR THE CONQUEST OF KAZAN»

Zhbankova M.S.,
Postgraduate Student of the Department of Russian Literature,
Voronezh State University

ABSTRACT. The article presents a comparative analysis of the image of Ivan the Terrible in the heroic works: M.M. Kheraskov's "Rossiyada" and G. R. Derzhavin's "The Conquest of Kazan". Despite the different genres (the poem and the opera), heroic pathos and apologetic interpretation of Ivan IV's activities unite these art works. The aim of the research is to identify differences in the representation of the image of the historical figure within the context of the narrative about the conquest of Kazan, and to determine the reasons for these differences. The most significant are the discrepancies revealed in the depiction of the czar's of the evolution, caused by a historical retrospective of the art work: from Terrible to merciful by Kheraskov and from weakling to Terrible by Derzhavin. The didactic-moralistic direction of the art works determines the interpretation of Ivan the Terrible as the ideal of the sovereign, and this is transmitted as guidelines for Catherine II and Alexander I.

KEY WORDS: Ivan the Terrible, art image, literary characterology, historical narrative, heroic pathos

Фигура Ивана Грозного приковывает внимание историков и писателей на протяжении многих столетий. И на сегодняшний день первый русский царь вновь оказывается в точке пересечения интересов гуманитарных наук. В истории и литературе зачастую превалирует трактовка образа Ивана IV как психически неуравновешенного тирана. Однако есть примеры и апологетического характера. В первую очередь они связаны с успешными военными походами царя: покорение Казани и Астрахани, первая половина Ливонской войны. В литературе эти сюжеты находят отражение в произведениях А.Н. Толстого «Иван Грозный», В.А. Соловьева «Великий государь», В.И. Костылева «Иван Грозный» и других. В этом же ряду стоят героическая поэма М.М. Хераскова «Россиада» и героическая опера Г.Р. Державина «Грозный, или покорение Казани», в которых воплощается сюжет «взятия Казани» [1, с. 69].

Традиционно выделяется три основных периода его актуализации: «первый относится собственно ко

времени падения Казанского ханства, второй – к бегству XVIII – XIX вв., третий – к концу XX в.» [1, с. 69]. В литературных произведениях этот сюжет реализуется на пересечении восемнадцатого и девятнадцатого столетий, так как в первом периоде он представлен только в фольклоре и «Казанском летописце», а в третьем периоде на передний план выдвигается политический дискурс. В литературе конца XVIII – начала XIX вв. «Взятие Казани» составляет основу четырёх текстов: эпической поэмы М.М. Хераскова «Россиада» (1779 г.), трагедии-балета С.Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казанского царства» (1806 г.), трагедии А.Н. Грузинцева «Покорённая Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным» (1811 г.), а также героической оперы Г.Р. Державина «Грозный, или Покорение Казани» (1814 г.).

В произведении Глинки образ Ивана Грозного слабо репрезентирован, в силу того, что авторское внимание приковано к любовному треугольнику казанских ханов. В остальных произведениях царь представлен явно апологетически. Так, А.Н. Грузинцев в самом названии трагедии обозначает диссони-

© Жбанкова М.С., 2017

Информация для связи с автором: jurnalist31@yandex.ru

рующую характеристику Ивана IV: милосердный и в то же время грозный правитель. Однако и в «Покоренной Казани» главной героиней выступает правительница Казани Сумбека и ее внутренний конфликт между эмоциональным и рациональным, должным и желаемым. В данном случае образ Ивана Грозного только актуализирует негативные характеристики восточной княжны. Поэтому сосредоточим внимание на произведениях Хераскова и Державина. Эти авторы – яркие представители классицизма, увлеченные его героическим пафосом. Создавая свой текст, Державин учитывал «Россиаду» Хераскова как самое статусное произведение в своем роде. Он заимствует у Хераскова вымышленные последние элементы сюжета и персонажей (любовный треугольник Сумбека – Осман – Эмира; обращение Казанцев к духам предков; Нигрин, Эмира), измененные автором «Россиады» имена (Осман – Коцак, Сумбека – Сююн-бике), а также анахронизмы (например, введение опричнины, которое произошло позже победного Казанского похода). Схожа и историческая ретроспектива «взятия Казани» в исследуемых произведениях: для Хераскова это Крымская война и присоединение Крыма Екатериной II, для Державина – война с Наполеоном 1812-го года. Сходства в сюжетно-композиционном и содержательном плане обуславливают и общие источники: «Казанский летописец» и античные и европейские эпические произведения («Иллиада» Гомера, «Освобожденный Иерусалим» Тассо). Таким образом, разноплановость жанровых характеристик «сочетается с единой стратегией в освоении исторического нарратива, осознаваемой и декларируемой данными авторами» [1, с. 70].

Однако образ Ивана Грозного определяет значимые различия поэмы и оперы. Расхождения начинаются уже с номинации главного персонажа: для Хераскова это Иоанн Васильевич второй, о чем писатель говорит в историческом предисловии: «Сия великая перемена, в какую сие государство перешло из слабости в силу, из унижения в славу, из порабощения в господство, сия важная и крутая перемена произошла при вступлении царском Иоанне Васильевиче втором, который есть герой сего поэмы» [2]. Прозвище царя «Грозный» писатель не использует, лишь в том же предисловии отмечает «Иностранцы писатели, сложившие нелепые басни о его суровости, при всем том по многим знаменитым его делам великим мужем нарицают... Впрочем, безмерные царские строгости, по которым он Грозным проименован, ни до намерения моего, ни до времени, содержащем в себе целый круг моего сочинения, вовсе не касаются» [2]. Таким образом, М.М. Херасков отражает современные ему тенденции исторической науки: во-первых, учитывает введенную нумерацию Иоанна от 1740 года, во-вторых, критически относится к привязке «Грозный», пропагандируемой западными политиками и историками. В именном обозначении царя (Иоанн Васильевич, Иоанн) Херасков оказывается гораздо ближе к социальным настроениям и принятому обращению времен правления Ивана IV.

Державин в самом названии оперы определяет главную черту характера Ивана – грозность. Подтверждается она и обозначением царя как «Грозный» в списке действующих лиц. Стоит отметить, что в опере имя Иоанн практически не употребляется (только в паре реплик казанских князей). В тексте суровость и грозный нрав царя акцентируются уже в первом действии во время его диалога с Шигалеем: «Сим воспарил мой дух из пут, как бы орел, – и с той поры я быть решил Грозным... Прошенья не внимаю толь слабых я голов. Отважно приступаю

карать моих врагов» [3, с. 110]. Здесь царь представлен как беспощадный воин, жаждущий только мести. Подобная номинация отражает настроения, царящие в исторической науке первого десятилетия XIX века, которые позже окончательно реализуются в труде Н.М. Карамзина «История Государства Российского». В этот период происходит привязка к Ивану IV прозвища «Грозный» в коннотативном значении «жестокый». Но Державин объясняет жестокость и суровость Ивана вынужденной мерой, потому что его мягкий и доброжелательный характер в прошлом привел к тому, что он «был видом царь, а делом – раб» [3, с. 108]. Таким образом, подобные изменения необходимы и для победы над Казанью, и для дальнейшего конструктивного правления.

В отличие от Державина у Хераскова большую роль в формировании образа царя Ивана играют традиционные фольклорные символы в сочетании с христианскими мотивами и элементами чудес. Наиболее частотны сравнения царя с орлом, пастырем, стражем и отцом: «Усердия огонь в народах возгорел, / Когда Российский к ним приблизился Орел»; «Коль так Владетели о подданных пекутся, / Они безгрешно их отцами нарекутся. / Ах! для чего не всё, носящие венцы / Бывают подданным толь нежные отцы?»; «Отечество, народ, себя от зла спаси; / Будь пастырь, будь герой, тебя твой бог возлюбит; / Потомство позднее хвалы тебе вострубит» [2].

Если последние сравнения определяет христианская традиция, то ассоциация с орлом исходит из мифологических представлений славянской культуры. Эта птица не только символизирует царскую власть, но и олицетворяет собой солнечную силу, огонь, бессмертие, а также считается царем птиц и хозяином небес. В фольклоре южных славян орел часто упоминается как предводитель грозных туч. Такое сравнение усиливает мифологические связи в народном сознании между грозным царем и орлом-защитником от грозных туч. В русском фольклоре об Иване Васильевиче нередко используется прилагательное «грозный», но его семантика определяется не только наличием сурового нрава. Сравнение с орлом также присутствует в опере Державина: «И вся с сих пор да чтит вселена / Молнье российского орла, / Бессмертной славою одаренна / Благословенного царя» [3, с. 145]. Вполне вероятно, что в этом произведении подразумевается та же семантика «орла».

В произведениях упоминается прошлое царя, воспринимаемое им как ошибка, которую нельзя повторять. Однако в опере и поэме оценки прошлых его деяний абсолютно полярны. Если Хераскову время жестокой, безудержной юности Ивана, когда он не заботился о своем государстве, казнил своих лучших подданных, представляется позорным, то для Державина ужасен прошлый мягкий, слабый и податливый интригам бояр правитель. В «Россиаде» Иван проходит путь от жестокого, подверженного порокам царя к заботливому, открытому велениям Божьим государю. И эта эволюция персонажа имеет линейный характер. В «Покорении Казани» мягкость образа реализуется в обратном порядке: от слабого, находящегося под влиянием корыстного боярства царя, к жесткому и суровому правителю. Однако изменение образа Ивана Грозного в опере происходит циклически, в отличие от поэмы, так как в конце произведения Державина победа над Казанью возвращает царю мягкость, великодушие и милосердие к врагу: он принимает в свои ряды Османа, защищает Эмира, прощает Сумбеку и Эдигиря. Во многом это объясняется неравнодушием царя к Эмире, которое возникает не без влияния Сумбеки в восьмом явлении второго действия, что видно в авторских ремарках: «Сумбека им вторит, влюбляя знаками Грозного в

Эмиру», «Грозный, пристально смотря на Эмиру с восторгом: Нигде таких красот не зрел!» [3, с. 135].

Отношение Ивана Грозного к героям является одной из мотивных составляющих как поэмы, так и оперы. Державин позиционирует царя как свободного от брака человека, но подверженного женским любовным чарам, в то время как в произведении Хераскова плотская любовь становится причиной разрушения государств. В «Россиаде» Иван IV – семьянин, но ради благополучия и развития своей страны оставляет жену с сыном и уходит в поход, выбирая роль отца государства. Этот выбор подтверждает для Хераскова образ идеального правителя, который он в полной мере воплощает в романе «Кадм и Гармония»: «Обладающий своими чувствованиями смертный, обуздывающий волнение страстей своих, управляющий по правилам благоразумия душевными свойствами, есть сильный царь на земли. Многие венценосцы титла сего не заслужили» [4, с. 26].

В героической опере же мотив отцовства по отношению к стране выражается в диалоге царя с Шигаеем: «Царь, в жизнь свою хвалимый, – / Кумир, льстецами только чтимый. / Не тот достоин хвал, кто днес щедроты льет, / Но кто счастливые потомству дни кует» [3, с. 107]. Но в то же время правитель не ограничивает себя в проявлениях эмоций, будь то ярость или любовь. Соотношение долга и чувств определяет будущее царя. Преобладание страсти в поступках и поведении, по мнению писателей-классицистов, ведет к превращению любого правителя в тирана. В «Россиаде» Иван IV сдерживает проявление своих страстей ради государства и являет собой неизменный образ идеального правителя, в то время как в «Покорении Казани» эволюция образа царя остается незавершенной. Державин один из последних писателей XIX века, трактующий образ Ивана Грозного апологетически. В последующих работах Н.М. Карамзина («История Государства Российского») или А.К. Толстого («Князь Серебряный», «Смерть Ивана Грозного» и др.) из-за подверженности страстям образ царя приобретает тиранические черты, и критическая трактовка его правления будет доминировать в литературе вплоть до середины XX века.

Важным моментом в реализации образа Ивана Грозного в «Россиаде» является соборность. Царь един с народом, что воплощается буквально: Иван IV равняет себя со своим войском, отказывается от роскоши в походах, заявляя: «Коль роскошь узрите когда в шатре моем, / То в негах утопать позволю войскам всем; / И требую от вас, когда вы мне послушны, / Пребудьте в подвигах со мной единодушны, / Устройте к общему спасению умы, / Да Россы будущи, и братья будем мы» [2]. В поэме завоевывает Казань не Иван, а русский народ под его патронажем. У Г.Р. Державина наблюдается обратная ситуация: Грозный индивидуализирован, обособлен от советчиков. В конце оперы особое внимание уделяется именно восхвалению Иоанна: «За подвиги твои толки / Прими усердия венец, / И назовись с сих пор: великий / Монарх! Отечества отец! / И вся с сих пор да чтит вселена / Молнье российского орла, / Бессмертной славы одаренна / Благословенного царя, / Кой духом, верою святою / Всех царств врага погнал пятою» [3, с. 145].

Таким образом, те черты личности самодержца, которые в рецепции Хераскова порочны, с точки зрения Державина оказываются одной из обязательных ее составляющих. И наоборот, мягкость, послушность идеального правителя, симпатичные Хераскову, представляются губительными для Державина.

И «Россиада», и «Покорение Казани» «служат средством формирования гражданского и личного самосознания зрителя, позволяющим избежать при этом прямой дидактики и скучной назидательности» [5, с. 44]. Тем не менее, явные дидактико-морализаторские посылы в образе идеального правителя наблюдаются в обоих произведениях. Только в представлениях идеальных образов Державиным и Херасковым акцентируются разные стороны личности Ивана IV.

«Единение царя и аристократии кажется Хераскову необходимым условием благоденствия государства, и, не видя его в современности, поэт хочет искать его в историческом прошлом России» [4, с. 42]. Все действия царя-самодержца Хераскова демократичны, а решения обязательно обсуждаются в кругу подданных. И хотя власть Ивану дана от Бога, а божественные чудеса сопровождают его на протяжении всей поэмы, он первый среди равных. Анализируя политические поступки царя, трудно найти хоть одно решение, которое было бы принято им самостоятельно. Все продиктовано либо божьими видениями, либо советами дворян и святого старца Вассиана. Без присутствия «божественного» молодой царь даже не смог бы справиться с искушениями и организовать поход на Казань. Объясняется это представлением Хераскова о том, что человек «нищ, убог, печален, скорбен, слаб» [4, с. 39], он нуждается в покровительстве Бога. В то же время автор отмечает, что «умственность» [4, с. 40] являет собой грех, который может привести к потере веры и отказе творить добрые дела. Поэтому человек должен больше надеяться на Бога, а не на свой разум.

Такой принцип правления резко контрастирует с представленным в опере: в подобном поведении Державин видит отсутствие решимости, что служит причиной бед и поражений. Подлинный самодержец должен быстро и самостоятельно принимать решения, не дожидаясь советов «свыше». В ракурсе исторической ретроспективы Державин проводит открытую параллель между Иваном IV и Александром I, известным либеральностью и мягким характером, и задает «поведенческие ориентиры»: «Содержание ее (оперы) я взял из казанской истории и тамошнего края татарского баснословия. К нынешним военным обстоятельствам мне показалось оное прилично. Ничего, кажется, нет подобнее...Иоанна (кроме грозного его нрава) – великодушному и прибежному к Богу, Александру, победившему врагов всей вселенной и утвердившему свободу и блаженство не токмо России, но и всей Европы» [3, с. 105].

Конечно, «Покорение Казани» Державина подвергается влиянию «Россиады». Это и конструирование образа царя: деление на два периода правления (неблаговидное прошлое и прогрессивное, озаменованное победой настоящее), формирование мифа идеального государя, дидактизм по отношению к современным авторам правителям. Но, несмотря на апологетическую оценку Грозного, образы двух Иванов крайне неоднозначны.

В поэме Иван – освободитель Казани от магометанского Безбожия. Он общается и советуется только с представителями светлых сил (ангелы, святые старцы). И даже победа над колдовством Нигрина достигается благодаря хоругви с ликом святого. Такой образ милосердного освободителя в произведении Хераскова оказывает большое влияние на перцепцию поворотных для страны исторических моментов А.Н. Грузинцева. Его трагедия выступает своеобразным продолжением героической поэмы, что реализуется и на уровне сюжета (начало трагедии – следующий день после покорения Грозным Казани), и на

уровне характеристик персонажей. У Державина Грозный более приземленный, в его образе отсутствует высокая моралистическая патетика, ему не чуждо ничто человеческое. Святые Божьи силы не приходят к нему на помощь; он легко контактирует в гробнице с призраками казанских ханов, но это не умаляет его как правителя. Колдовство в опере побеждается естественным путем – оно не выдерживает натиска русского войска под предводительством яростного царя. И в данном случае Иван Грозный выступает именно как покоритель Казани, что заявляется еще в названии оперы. Подобная оппозиция «освободитель – покоритель» ярко демонстрирует различия в восприятии писателями одного и того же исторического события.

Итак, милосердный Иван М.М. Хераскова и жесткий Грозный Г.Р. Державина представляют собой

разные ипостаси Ивана IV. Интерпретируя сюжет «взятия Казани» оба автора руководствуются дидактическими целями, тесно связанными с современной им государственной политикой, и выдвигают на первый план диаметрально противоположные стороны личности первого русского царя. В поэме Хераскова акцентируются демократические проявления его деятельности, его рационализм и отстраненность от эмоций. В героической опере Державина, напротив, ключевыми чертами личности становятся жесткость царя и его самостоятельность в принятии решений. Таким образом, в рамках одного художественного метода, общих героического пафоса и сюжета образ исторического деятеля может получить самые неожиданные интерпретации в зависимости от авторских предпочтений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бреева, Т.Н. Сюжет «Взятие Казани» в структуре национального мифа России (на материале русской литературы конца VIII – начала XIX века) [Текст] / Т.Н. Бреева // Ученые записки Казанского университета. – 2013. – Т. 155. – № 2. – С. 69–79.
2. Херасков, М.М. Россиада [Электронный ресурс] / М.М. Херасков. (<http://rvb.ru/18vek/heraskov/01text/02poems/61.htm>).
3. Державин, Г.Р. Грозный, или покорение Казани [Текст] / Г.Р. Державин // Иван Грозный: Антология / [Сост. А.В. Парин]. – М. : Аграф, 2001. – С. 105–145.
4. Западов, А.В. Творчество Хераскова [Текст] / А.В. Западов // М.М. Херасков. Избранные произведения. – Л. : Советский писатель, 1961. – С. 5–56.
5. Ларкович, Д.В. «Грозный, или покорение Казани» Г.Р. Державина и становление жанра героической оперы в русской культуре начала XIX века [Текст] / Д.В. Ларкович // Вестник РУДН. Серия Литературоведение, журналистика. – 2012. – № 1. – С. 43–49.
6. Любжин, А.И. Христианские источники «Россиады» М.М. Хераскова [Электронный ресурс] / А.И. Любжин. (<http://cyberleninka.ru/article/n/hristianskie-istochniki-rossiady-m-m-heraskova>).
7. Семенова, А.В. «Россиада» М.М. Хераскова как один из источников оперы Г.Р. Державина «Грозный, или покорение Казани» [Текст] / А.В. Семенова // Литературоведческий журнал. – 2016. – № 39. – С. 46–53.
8. Федотова, Л.Л. Концепция соборности в поэме М.М. Хераскова «Россиада» [Электронный ресурс] / Л.Л. Федотова. (<http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-sobornosti-v-poeme-m-m-heraskova-rossiada>).